

КАК И ПОЧЕМУ ВОЗНИКЛА ЭТА КНИГА

Публикуемая работа – «История водки» – первоначально не предназначалась для печати и тем более никогда не мыслилась как некая занимательная «история пьянства» для развлекательного чтения¹. Это научно-исследовательская работа, посвященная выяснению конкретного, «узкого» и притом чисто

1 Литература, посвященная истории алкогольных напитков в России, исследует в основном историю торговли вином и водкой, а также социальные и экономические последствия этого, то есть пьянство и размеры питейных сборов в госказну. Авторами таких работ всегда выступали историки, статистики и экономисты. См. *Прыжов И. Г.* (1829–1902 гг., историк). Корчма. Исторический очерк // Русский архив, – 1866. – № 7; История кабаков в России в связи с историей русского народа. – СПб., 1868.

Однако эти единственные до сих пор обзорные исторические работы, сообщающие любопытные сведения о численности кружечных дворов, кабаков, питейных домов, трактиров, ренсковых погребков и т.п. «учреждений» в России и об объемах их торговли разными алкогольными напитками, в том числе и водкой, не дают ничего в смысле выяснения времени появления водки.

Еще более узки по тематике следующие работы: *Аксаков А. Н.* О народном пьянстве. – СПб., 1862.; *Дитятин И.* Царский кабак Московского государства. – СПб., 1895; *Гурьев Д.* Питейная монополия. – 1893; *Лебедев В. А.* Питейное дело. – СПб., 1898; *Гредингер.* Основы питейной монополии в России. – 1897; *Зиновьев С.* Казенная продажа питей. – СПб., 1901.

Как видно из перечня работ, сам интерес к истории винокуренного производства и торговли водкой возник в основном в 60-х годах XIX века и на рубеже XIX и XX веков в тесной связи с решением правительства ввести в 1894–1902 годах государственную монополию на производство и продажу водки в стране и фактически ликвидировать частное изготовление этого продукта.

Таким образом, все исследования, касающиеся водки, имели строго прикладной характер и были вызваны конкретными, актуальными государственными потребностями экономической внутренней политики.

исторического вопроса: когда началось производство водки в России и было ли оно начато раньше или позже, чем в других странах? Иными словами, задача автора состояла в том, чтобы выяснить, была ли наша страна, Россия, в деле производства водки вполне оригинальна или же и в этом сугубо, как мы считаем, национальном вопросе нам кто-то из Европы (а может быть, и из Азии?), так сказать, «указал путь»?¹

Вопрос этот никогда на протяжении последних двух столетий не возникал, да, по-видимому, и впредь не возник бы ни у кого, если бы не приобрел неожиданно осенью 1977 года государственное значение.

Именно в это время на Западе было спровоцировано «дело» о приоритете в изготовлении водки, причем приоритет Союза ССР оспаривался, и ряд марок советской водки был подвергнут на внешних рынках бойкоту и дискриминации. Одновременно создавалась угроза лишить В/О «Союзплодоимпорт» права продавать и рекламировать этот товар как «водку», поскольку ряд американских фирм стал претендовать на преимущественное право использовать наименование «водка» только для своего товара на том основании, что они якобы начали производство раньше, чем советские фирмы.

Первоначально эти претензии не были восприняты серьезно советскими внешнеторговыми организациями, ибо иностранные фирмы-конкуренты указывали, что производство водки в СССР было начато после 26 августа 1923 года согласно декрету ЦИК и СНК СССР, а у них якобы гораздо ранее – в 1918–1921 годах. (В эти годы в разных странах Западной Европы и в США были задействованы многие водочные пред-

1 В 1901 году впервые возник вопрос о том, откуда пришли в Россию идея и секреты винокурения. Так, в «Трудах Технического комитета Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей» говорилось: «Получение спирта путем перегонки перебродивших сахаристых жидкостей стало известно в Европе в XIII столетии. Перешло ли это искусство в Россию из Западной Европы или с Востока, где китайцы, индусы и арабы были с ним знакомы со времен глубокой древности, не известно» (Труды... – Т XIV. 1901. – СПб., 1903. – С. 88). С тех пор и до 1978 года, то есть в течение 75 лет, вопрос этот больше никого не занимал и не вставал и потому так и не был выяснен до 1979 года, то есть пока к этому не вынудили обстоятельства.

приятия бывших русских фабрикантов, бежавших из Советской России.)

Но хотя Советское правительство действительно начиная с декабря 1917 года запретило производство водки на территории РСФСР и не возобновляло его фактически до 1924 года, то есть шесть лет, все же весьма несложно было юридически и исторически доказать, что, во-первых, Советское правительство просто продлило запрет предшествующих царского и Временного правительств на производство и торговлю спиртоводочными изделиями в период Первой мировой войны¹, так что юридически речь шла лишь о подтверждении действовавшего ранее государственного постановления о временном запрете на водку, а во-вторых, это доказывало лишь преемственность государственной монополии и ее права приостанавливать, прерывать и возобновлять производство по собственному желанию, вследствие чего дата 26 августа 1923 года вовсе не имела никакого отношения к началу производства водки в СССР и к вопросу о приоритете пользования оригинальным наименованием товара «водка», поскольку это наименование возникло не с возобновлением производства после 1923 года, а в связи с изобретением водки в России в эпоху Средневековья. Отсюда следовало, что страны, претендующие на исключительное употребление оригинального названия «водка» на их территориях, должны были представить убедительные данные, подтверждающие ту или иную дату первоначального изобретения водки на их территории.

Как только вопрос был поставлен в подобную юридическую плоскость, все зарубежные: западноевропейские, американские, а также действующие эмигрантские водочные фирмы – «Пьер Смирнофф», «Эристов», «Кеглевич», «Горбачев» и другие – вынуждены были снять свои претензии на приоритет изобретения русской водки и могли отныне только отстаивать в рекламе «особые качества своих фирменных марок».

¹ См. Популярный финансово-экономический словарь / Под ред. Д. П. Боголепова, М. Г. Вронского, Н. Н. Деревенко. – М.: НКФ СССР, 1925. – С. 140.

То, что эта «первая атака» торговых конкурентов СССР была сравнительно легко отбита, привело к тому, что Минвнешторг и подведомственное ему В/О «Союзплодоимпорт» «почили на лаврах» и оказались совершенно не подготовленными ко «второй атаке», последовавшей со стороны государственной водочной монополии ПНР и воспринятой нами как своего рода «удар в спину».

Между тем государственная водочная монополия ПНР утверждала, что в Польше, то есть на государственной территории бывших Королевства Польского, Великого Герцогства Литовского и Речи Посполитой, включающих Великую и Малую Польшу, Мазовию, Куявию, Померанию, Галицию, Волынь, Подолию и Украину с Запорожской Сечью, водка была изобретена и производилась раньше, чем в Российской империи, или соответственно в Русском и Московском государстве, что в силу этого право продавать и рекламировать на внешних рынках под именем «водки» свой товар должна была получить лишь Польша, производящая «Вудку wyborovu» («Wodka wyborowa»), «Кристалл» и другие марки водки, в то время как «Московская особая», «Столичная», а также «Крепкая», «Русская», «Лимонная», «Пшеничная», «Посольская», «Сибирская», «Кубанская» и «Юбилейная» водки, поступавшие на мировой рынок, теряли право именоваться «водками» и должны были искать себе новое название для рекламирования.

Первоначально в В/О «Союзплодоимпорт» этой угрозе не придали серьезного значения, ибо казалось совершенно нелепым, что дружественная Польша предъявляет подобное парадоксальное требование. Это выглядело злой шуткой, поскольку на Смоленской-Сенной были уверены, что о старинном производстве водки в России «весь мир знает» и поэтому русская водка не может вот так, вдруг лишиться своего исторического, народного национального названия по прихоти неожиданного заикапризначавшего «пана союзника».

Но законы мирового капиталистического рынка суровы – они не принимают во внимание не только эмоции, но и традиции. Они требуют чисто формального, документального или иного правового и исторически убедительного доказательства,

устанавливающего ту или иную дату изобретения, первого вывоза (экспорта) или производства товара, дату, дающую право определить приоритет того или иного собственника на данное изобретение или производство. Эти требования в одинаковой степени равны и для великой державы, и для малой страны и не оставляют места для уважения «исторической традиции» или «сложившейся практики», не подтвержденных историческими аргументами. Вот почему попытки советской стороны сослаться на то, что «весь мир знает» или что «всегда так было», были безжалостно отклонены.

К тому же западноевропейские прецеденты на этот счет были совершенно однозначны. Производство всех европейских видов крепких спиртных напитков имело фиксированную первоначальную дату: 1334 год – коньяк, 1485-й – английские джин и виски, 1490-1494-й – шотландское виски, 1520-1522 годы – немецкий брантвайн (шнапс).

Таким образом, считалось, что нет причин делать исключение для водки: дата ее изобретения должна быть представлена и СССР и Польшей, и вполне вероятно, что и в этом случае можно будет наблюдать такое же расхождение в датах, как и в случае с английским и шотландским виски, что и даст возможность установить приоритет той или иной стороны.

Такова была ситуация в начале 1978 года, когда сторонам было предоставлено время для поисков доказательств.

Между тем в В/О «Союзплодоимпорт», а особенно в целом в руководстве Минвнешторга, все еще не осознавали серьезности предстоящей задачи. Там полагали, что весь вопрос с приоритетом названия «водка» не стоит и выеденного яйца: достаточно поручить двум-трем референтам и библиографам разыскать в исторической или «спиртоводочной» литературе нужную дату, как сразу же исчерпается вся проблема. Таким образом, вопрос представлялся лишь делом техники и какого-то времени. Однако, когда по истечении полугодовых поисков оказалось, что не только даты начала производства водки, но и сколь-нибудь серьезной литературы по истории водки не существует вообще и что сведений об изобретении водки

невозможно обнаружить даже в государственных архивах, поскольку нет достоверных документов о том, когда же началось винокурение в России, тогда наконец увидели, что вопрос этот исключительно сложен, что он не может быть решен чисто внутренними силами Министерства внешней торговли, аппаратным путем и что необходимо, видимо, обратиться к специалистам как в области истории России, так и в области спиртоводочной промышленности.

Исходя из этого, В/О «Союзплодоимпорт» обратилось в два головных НИИ: в Институт истории Академии наук СССР и во ВНИИ продуктов брожения Главспирта Минпищепрома СССР – с просьбой составить исторические справки по данному вопросу.

Однако оба исследовательских института ответили отписками¹, после чего последовало обращение к автору настоящей работы.

К весне 1979 года было написано исследование, которое ныне предлагается читателю в неизменном виде. Оно целиком посвящено выяснению даты начала производства водки, и в силу того, что традиционные документальные хозяйственно-фискальные источники отсутствуют, исследование ведется необычным для нынешних исторических работ путем – через анализ терминологии винокуренного производства, через исследование значения термина «водка» и путем определения характера исторических условий, в которых этот продукт мог появиться. Вся эта специфика исследования определяет, разумеется, не только план, но и ход исследования и даже в зна-

¹ Были представлены: 1) Институтом истории АН СССР – докторская диссертация М. Я. Волкова. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Винокуренное производство. – М.: Наука, 1979. 2) ВНИИпб Главспирта – документальная справка по истории развития технологии производства водки (хлебного вина) в России. – М., 1980. Эта справка давала обзор производства водки в XIX–XX веках. Тем самым обе работы уходили от вопроса о времени создания водки. В первой из них лишь вскользь голословно утверждалось, что винокурение в России началось «примерно на рубеже XV–XVI веков» (стр. 25). Во второй – столь же голословно приводилось фактическое (основанное на опечатке) утверждение из отрывного календаря за 1894 год, что якобы русское винокурение возникло в Вятке в XII веке (?) (стр. 1).

чительной мере сам тон исследования, методы доказательств. Как легко может заметить читатель, тон исследования кажется замедленным, слишком въедливым, педантичным. Там, где, казалось бы, все уже ясно, автор тем не менее ставит сам себе новый вопрос, выдвигает новый контраргумент или возражение против уже доказанного постулата, чтобы, опровергнув и это новое возражение, показать, что данный вопрос иным путем решен быть не может. Такой метод, разумеется, не придает книге динамичности, легкости и занимательности, но зато он позволял в то время заранее снять все вопросы и сомнения арбитров, которым предстояло знакомиться с польским и советским ответом на вопрос о дате «изобретения» водки в их странах. И чтобы не понадобилось в ходе арбитража давать наскоро какие-либо дополнения и разъяснения, автор решил включить в свое основное исследование все мыслимые и даже немыслимые возражения, которые могли прийти на ум каждого, кто знакомился бы с его работой.

Неисследованность данного вопроса кем-либо из предшествующих историков, а также полная неясность того, в каком веке появилась водка, где или откуда надо начинать поиск ее корней, заставили автора принять трудный, но единственно обоснованный и логичный в данной ситуации план работы: проследить скрупулезно, шаг за шагом, в хронологическом порядке всю историю развития производства хмельных спиртовых напитков с момента их зарождения в нашей стране и таким путем рано или поздно «натолкнуться» и на время изготовления водки. Такой метод также не способствовал тому, чтобы работа выглядела краткой и давала ответ о начале только «водочного» винокурения. Пришлось попутно рассматривать и другой материал – о таких алкогольных напитках, как мед, квас, вино, пиво, ол, что также внешне придало работе несколько растянутый характер, создало видимость того, что автор отвлекается от основного вопроса о водке. Однако для выяснения истины такой метод оказался крайне полезным и продуктивным, ибо он помог лучше, четче отделить и определить существо отличий водки от других алкогольных напитков и тем самым облегчил задачу установления даты начала производства водки.

Словом, ничто из того, что не относилось в данной работе непосредственно к водке, не оказалось побочным или лишним для выяснения вопроса об истории водки.

Исследование не только ответило на вопрос о периоде, когда возникла водка, но и объяснило, почему это событие произошло именно в данный период, а не раньше или позже. Работа ответила и на вопрос о производстве крепких алкогольных напитков в соседних с Россией странах: на Украине, в Польше, Швеции, Германии. Приведенные даты совпали с тем материалом, которым располагал по указанным странам международный арбитраж от других, зарубежных, исследователей. Что же касается Польши, то ее представители не смогли доказать, что «горзалка» («gorzalka» – первоначальное название водки в Польше) была создана ранее середины XVI века. Более того, автор привел данные, передвигающие дату рождения водки в Польском королевстве (а фактически на территории нынешней Украины) даже на одно-полтора десятилетия раньше той даты, которую указали сами поляки, то есть на 1540-е годы, но все равно эта дата была гораздо более поздней (почти на сто лет!), чем дата создания водки в России.

Решением международного арбитража 1982 года за СССР были бесспорно закреплены приоритет создания водки как русского оригинального алкогольного напитка и исключительное право на ее рекламу под этим наименованием на мировом рынке, а также признан основной советский экспортно-рекламный лозунг – «Only vodka from Russia is genuine Russian vodka!» («Только водка из России – настоящая русская водка!»).

ВВЕДЕНИЕ

История любого продукта – будь то сельскохозяйственный или промышленный – является частью истории деятельности человека, истории условий материальной жизни общества. Тем самым, изучая возникновение или происхождение того или иного продукта, мы отвечаем на вопрос о том, как создавались условия материальной жизни общества, на какой их ступени появился тот или иной продукт и почему. Это дает возможность углубить наше понимание такого важного фактора в истории человека и человеческого общества, как условия материальной жизни общества, а тем самым лучше понять и возникающие в процессе производства производственные отношения. История продукта, таким образом, – одно из составляемых истории в целом, первичный элемент, «кирпичики», из которых построено «здание» истории человеческого общества. Знать все «кирпичики» досконально крайне важно и необходимо для правильного понимания истории, но, к сожалению, невозможно или трудновыполнимо. Вот почему история отдельных продуктов еще слабо разработана, мы знаем о ней в общих чертах или лишь ее частности. Между тем некоторые продукты играли и играют немаловажную роль в истории человечества либо на определенных этапах исторического развития (например, пряности, чай, железо, бензин, уран), либо на протяжении всей истории человечества (хлеб, золото, алкогольные напитки).

Среди множества продуктов, созданных и потребляемых человечеством, водка, или, говоря более общим термином,

«хлебное вино», занимает совершенно особое и значительное положение по своему разнообразному влиянию на человеческое общество, на отношения людей и на возникающие общественные проблемы.

При этом весьма важно подчеркнуть, что такие три магистральных направления проблем, поставленных возникновением спиртных напитков, как фискальная¹, производственная², социальная³, веками не умирают, а, наоборот, имеют тенденцию возрастать и усложняться в связи с развитием жизни человеческого общества.

Таким образом, история водки отнюдь не «мелкий» и не «низкий» вопрос, отнюдь не «пылинка», не «ничтожная деталь» в истории человечества. Этот вопрос настолько важен, что он вполне достоин и даже крайне нуждается в серьезной исторической и научной разработке, и он, естественно, породил обширную литературу. К сожалению, эта литература посвящена не истории самого продукта, а результатам его воздействия, то есть изучает или, вернее, лишь поверхностно описывает производное (хотя и весьма заметное, бросающееся в глаза) явление, конечный результат, самую последнюю, третью стадию, вершину развития проблемы, и вовсе не касается ее истоков, корней и существа. Разумеется, по верхушкам нельзя понять ни целого, ни основного. Отсюда крайняя противоречивость всего, что написано о спиртных напитках, начиная с их физиологической оценки и кончая определением их социального и исторического значения. Здесь широко представлены крайние полюса мнений типа «полезно – вредно», но совершенно отсутствует ясность в отношении истории возникновения, а следовательно, историчности существования водки, не обращается серьезного внимания на модификацию содержания

1 Позиция в государственном бюджете и финансах.

2 Изыскание и возделывание сельскохозяйственного сырья, создание и техническое оснащение спиртоводочной промышленности и ее инкорпорирование в общую систему экономики страны.

3 Пьянство, его влияние на производство из-за потери рабочих часов, на отношения людей, на семью, на необходимость содержать силы общественного порядка и здравоохранения и т.д.

и значения этого продукта на различных этапах исторического развития и, значит, не ставится вопрос о неоднозначности его оценки в разных условиях, в разном обществе, в разных странах, в разные периоды.

Короче говоря, как только заходит речь о водке, забывается научное положение о том, что истина всегда исторична и истина всегда конкретна, и начинаются суждения типично обывательского типа о «вредности – полезности» в полном отрыве от самого продукта и исторической среды, в которой он производится и потребляется.

Огромный ущерб объективному историческому исследованию наносит прежде всего полное пренебрежение в литературе о спиртных напитках, и особенно о водке, к таким объективным показателям, как терминология и хронология.

Водкой подчас называют в различных источниках совершенно разные продукты, причем, как правило, этот же термин приписывается и эпохам, в которые о ее существовании даже не подозревали.

Вот почему первым шагом в исследовании истории водки должно быть точное установление терминологии и хронологии. Только после этого можно приступить к исследованию коренного вопроса – вопроса о происхождении водки, о том, где, когда, при каких обстоятельствах и условиях был создан этот продукт и почему эти условия оказались наиболее благоприятными для развития производства именно в таком, а не в ином месте, несмотря на то что развитие техники в более поздние исторические эпохи делало возможным производство водки фактически в любой точке земного шара.

Рассмотрение терминологии и хронологии должно идти без отрыва от понимания техники производства или рецептуры водки, ибо под одинаковыми терминами подчас могут пониматься разные составы, разная рецептура, разная технология изготовления продукта. Вот почему для правильного, объективного, научного установления даты «рождения» или времени происхождения водки в России важно совмещение, сопряжение всех трех «измерений» – терминологического, хронологи-

ческого и технологического – и их сопоставление друг с другом. Только на такой базе могут быть даны подлинно научные, точные и убедительные выводы. Все иные методы поисков даты создания водки (как и других продуктов промышленного производства, изобретенных в древности) не имеют значения доказательств.

Вот почему предварительно необходимо установить, каков же имеется круг источников и каков должен быть наш критерий их оценки при решении вопроса о достоверности содержащейся в них информации.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ИХ ОЦЕНКА

Все источники сводятся к:

- а) археологическому материалу;
- б) письменным документам XV–XIX веков, известиям летописного типа;
- в) фольклорным данным (песни, пословицы, поговорки, былины, сказки);
- г) кулинарным книгам XV–XVIII веков;
- д) лингвистическим словарям разного типа (этимологическим, толковым, техническим, историческим, иностранных слов);
- е) литературным данным (исторические исследования, художественная литература, дневники и мемуары современников);
- ж) специальная литература – фармацевтическая и техническая.

Из этого списка наиболее ценными источниками являются документы и лингвистические словари, из последних – особенно этимологические и лингво-исторические, дающие свод языковых материалов в памятниках XI–XVII веков.

Наименее достоверными являются летописи и фольклор. Первые – потому, что записывались и неоднократно переписывались на 200–300 лет позднее происходивших событий, причем все, что не касалось хронологии политической истории,

претерпело значительные изменения. Особенно изменялся словарный, лексический материал, подновлялась терминология, и в старые термины вкладывалось порой новое содержание. Еще интенсивнее происходил этот процесс в фольклоре, который почти нельзя использовать как сколь-нибудь достоверный источник. Запись фольклорного материала велась в основном в конце XIX – начале XX века. Порой она была научно недостаточно критической. Кроме того, все внимание обращалось на сюжет, схему, рисунок произведения, а не на его лексические детали и особенности.

Что же касается других источников, то археологический материал (памятники бытовой археологии) крайне скуден и имеет лишь косвенное значение. Между тем он мог бы быть самым неоспоримым. Но, к сожалению, пока не найдено ни одного сосуда со спиртными напитками при раскопках, ни предметов оборудования для винокурения в древнейшие времена, которые могли бы дать точное представление о характере продукта и его производства.

Письменные источники, касающиеся водки, обычно обращают свое основное внимание на социальные, общественные вопросы (пьянство, доходы) и в весьма малой степени останавливаются на уточнении названий или характера отдельных спиртных напитков.

Несмотря на общее обилие такого рода источников и литературы, они дают весьма скудный материал и лишь крайне усложняют исследование своим несерьезным отношением к терминологии и хронологии.

Вот почему единственно научным ориентиром в решении вопроса о происхождении водки как русского национального оригинального спиртного напитка может быть метод тщательного сопоставления всего материала по трем линиям – терминологической, хронологической и производственно-технологической.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ
В РОССИИ В IX-XV ВЕКАХ
И ИХ ТЕРМИНОЛОГИЯ**

Глава 1. ТЕРМИНОЛОГИЯ

Глава 2. ОСНОВНЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ
ПРОИЗВОДСТВА АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ,
СУЩЕСТВОВАВШИЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
ДО XIV–XV ВЕКОВ

Глава 3. ДРЕВНЕЙШЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБОРУДОВАНИЕ,
ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЕ ВИНОКУРЕННОМУ ПРОИЗВОДСТВУ

Г Л А В А

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Прежде чем начать рассмотрение терминологии спиртных напитков, существовавших в нашей стране с IX по XX век, следует со всей определенностью подчеркнуть, что научная точность и добросовестность требуют от нас не вносить наше сегодняшнее понимание значения определенных слов в язык предшествующих эпох и не впадать в заблуждение относительно слов, случайно имеющих одинаковое звучание или написание с современными словами, но обладавших в древности или несколько веков тому назад иным значением, чем ныне. Поэтому, чтобы не запутаться, разыскивая истоки происхождения спиртных напитков, чтобы точно понимать, что означало то или иное название, каково было его реальное содержание, мы будем толковать каждый термин применительно к разному времени. Вот почему одно и то же слово, одно и то же название, возможно, будет толковаться по нескольку раз, для каждого периода отдельно, и будет, разумеется, иметь несколько разных значений.

ЧТО ОЗНАЧАЕТ СЛОВО «ВОДКА», ИМЕЕТСЯ ЛИ ОНО В ДРУГИХ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ И КОГДА ОНО ВПЕРВЫЕ ЗАФИКСИРОВАНО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

• • •

1. Слово «водка», как и его современное значение «крепкий спиртной напиток», широко известно не только в нашей стране, но и за рубежом. В то же время мало кто знает его истинный смысл. Между тем выяснение подлинного характера слова и причин, по которым его первоначальное значение изменилось и перешло на спиртной напиток, может пролить свет на время происхождения водки и на уяснение ее специфического характера, отличающего ее как русский национальный спиртной напиток от всех других.

Итак, водка означает не что иное, как вода, но только в уменьшительной форме – диминутиве. Форма эта, а также слова в этой форме (за исключением личных имен) почти совершенно исчезли из современного русского языка. Они сохранились тем не менее в наиболее древних, вечных, никогда не умирающих словах вроде «папа» и «мама». «Папка, мамка» звучит сегодня, пожалуй, немного грубовато, но зато уж неподдельно по-народному. Точно так же должно звучать и слово «водка», хотя мы уже и не слышим в нем специфически ласково-грубоватого звучания, не воспринимаем его как уменьшительное от слово «вода», а смотрим как на совершенно самостоятельное слово. Кстати, «водка» (за исключением имен типа Валька, Петька) – редкий рудимент диминутива в нашей современной лексике, который сохранился только потому, что название это, превратившееся в термин, было придано «вечному» напитку, продолжавшему веками существовать и процветать в обществе.

Другое слово, относящееся к области пищевых продуктов, но не столь древнее, как «вода», а существовавшее в русском языке с конца X века, – слово «овощ» утратило свой диминутив уже в начале XVIII века, так что словари последней чет-

верти XVIII века вынуждены были объяснять, что «овощка» означает овощ небольших размеров¹.

Как видно из сопоставления слов *мама – мамка, овощ – овощка, вода – водка*, диминутив образуется путем непосредственного прибавления суффикса *к* и окончания *-а* к корню слова. Для слова «вода» сохранились и другие уменьшительные варианты с суффиксами *-ичк-*, *-очк-*, *-оньк-*: «водичка», «водонька», «водочка», причем последнее значение, как более близкое к «водке» в ее современной понимании, стало также связываться со спиртным напитком, а не с водой.

Сам по себе факт, что название «водки»-напитка произошло от слова «вода» и, следовательно, каким-то образом связано по смыслу или содержанию с «водой», не вызывает никакого сомнения.

И это весьма важно для установления того, в чем состоит специфика водки как спиртного напитка².

2. После вышесказанного читателю уже не покажется удивительным, что все этимологические словари русского языка не имеют в своем составе слова «водка», так как они объясняют только происхождение самостоятельных, первичных, коренных слов языка и не занимаются рассмотрением производных слов.

Составители таких словарей, ученые-лингвисты, никогда не смотрели на слово «водка» исторически и не рассматривали его в современном значении, а подходили к нему только как к диминутиву слова «вода»³. Вот почему лингвисты не могут помочь нам теперь определить, когда же слово «водка» приобрело нынешнее, современное значение и под влиянием каких факторов это произошло.

3. Однако есть еще толковые словари русского языка, объясняющие современное значение слов, имевших хождение в момент создания словаря. Что же говорят они о водке? Крупней-

¹ См. *Алексеев П.* Дополнение к церковному словарю. – СПб., 1776. – С. 154.

² Этот вопрос будет рассмотрен ниже, в разделе истории технологии водочного производства.

³ См. *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. – М., 1959; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. – М., 1964.

ший и самый исчерпывающий из толковых словарей – словарь В. И. Даля, несмотря на всю свою обстоятельность, не включает слово «водка» как самостоятельное. А его нынешнее значение, как одно из многих частных значений, рассматривает в составе слова «вино»¹. Но одновременно дает и значение слова «водка» как «вода»². Если учесть, что словарь Даля был составлен на лексическом материале до 60-х годов XIX века, то двойственное отношение составителя словаря к понятию «водка» означает, что слово «водка» до второй половины XIX века не было еще широко распространено в значении алкогольного напитка, хотя и было уже известно и употребительно в народе.

Только в словарях, изданных в конце XIX – начале XX века, слово «водка» встречается как самостоятельное, отдельное слово и уже в своем единственном современном значении как «крепкий спиртной напиток».

4. Вместе с тем в региональных (областных) словарях, отражающих не столько общерусский словарный фонд, сколько местные, областные говоры и диалекты, слово «водка» упоминается только в одном значении – в древнем значении воды – и совершенно неизвестно в значении «спиртного напитка»³. Такие данные, зафиксированные в исчерпывающем своде всех русских говоров⁴, датируются серединой XIX века (запись говоров в 1846–1853 гг.) и относятся к языку населения обширной территории к востоку и северу от Москвы (Владимирская, Костромская, Ярославская, Вятская и Архангельская губернии).

Это обстоятельство отчетливо указывает на то, что слово «водка» в значении «спиртного напитка» в середине XIX века имело распространение лишь в Москве, Московской губернии и в губерниях, принадлежавших к тогдашним так называемым

¹ См. *Даля В. И.* Толковый словарь живого русского языка. 2-е изд. – Т. 1. 1883. – С. 208.

² См. *Даля В. И.* Толковый словарь живого русского языка. 2-е изд. – Т. 1. 1883. – С. 221–222.

³ См. *Словарь русских народных говоров.* Вып. 4. – Л., 1969. – С. 338.

⁴ См. *Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина.* Вып. 1. – XXV – Л., 1965–1990.

хлебным районам, где первоначально было развито винокурение, то есть в Курской, Орловской, Тамбовской и на Слободской Украине (Харьковщина, Сумщина).

Таким образом, уже на основе этих фактов совершенно ясно, что середина XIX века представляет собой некий рубеж, после которого слово «водка» в его нынешнем значении начинает делать первые шаги, распространяясь в русском языке за пределы Московского Центрального района, но еще не достигая общерусского значения на всей территории России. Это, следовательно, может служить лишь указанием, что корни возникновения понятия «водка» в значении спиртного напитка надо искать по крайней мере где-то до середины XIX века, ибо 1860-е годы – это, так сказать, верхняя граница в возникновении нового термина, когда он уже окреп, установился и начал распространяться вширь. Но когда он впервые появился – следует выяснить и тем самым определить его нижнюю границу.

5. Обратимся теперь не к словарям современного русского языка, а к «Словарю старославянского языка», то есть языка, отраженного в многочисленных летописях IX–XIII веков¹. Этот словарь, который составлен на основе тщательного изучения всех памятников старославянского языка, существовавших во всем славянском мире, то есть в Чехии, Моравии, Болгарии, Сербии, Польше, Белоруссии, Молдавии и Древней Руси, вообще ни в какой форме не включает слово «водка». При этом важно подчеркнуть, что этот словарь совершенно исключает какой-либо пропуск того или иного слова, ибо в его словнике и в картотеке, на основе которой он составлен, расписаны все слова из всех памятников IX–XIII веков и значительной части памятников XIV века, когда совершается постепенный переход от старославянского языка всех славян к славянским национальным языкам. Это говорит о том, что, по крайней мере, до XIV века слово «водка» как в значении воды, так и в значении спиртного напитка было абсолютно неизвестно, причем не только в России, но и во всем славянском мире.

¹ См. SJS. – Praha, 1958–1989.

Все вышеизложенное дает основание сделать следующие предварительные выводы.

1. Слово «водка» в значении спиртного напитка появляется в русском языке не раньше XIV и не позже середины XIX века, следовательно, оно возникло где-то между XIV и XIX веками.

2. В общеславянском языке, по крайней мере до XII века, а может быть, и до XIV века, не существовало слова «водка» в значении воды, то есть ее диминутива. Следовательно, уменьшительное значение возникло в русском языке, когда он стал формироваться в национальный, когда в нем стали возникать оригинальные национальные окончания и суффиксы, то есть в XIII–XIV веках. Украинский же язык стал формироваться в национальный позднее – в XV веке, и в нем шли иные процессы, возникали иные суффиксы и окончания существительных. И в украинском, и особенно в польском языках, развивавшихся в соприкосновении с латинским и немецким, сказались иностранные влияния. Русский язык из-за татарского нашествия развивался изолированно, без иностранного влияния на него, поэтому русскому языку оказались свойственны совершенно иные формы.

Отсюда ясно, что слово «водка» (в любом значении и независимо от времени его появления) свойственно только русскому языку и является коренным русским словом, нигде более не встречаемым. Его появление в иных славянских языках может быть объяснено только позднейшими заимствованиями из русского (не ранее начала XVI в.).

3. Отсутствие в русском языке до XIV века слова «водка» в значении спиртного напитка в принципе еще не говорит об отсутствии до этого времени у русского народа спиртных напитков, имеющих иную технологию и терминологию, или крепких спиртных напитков, подобных водке по технологии, но имеющих иные названия, иные термины.

Таким образом, нельзя абсолютно прямо связывать наличие в языке того или иного слова, термина и наличие продукта, отражающего современное значение данного термина. Этот

продукт может существовать либо под другим термином, либо вовсе не существовать. И то и другое следует еще доказать. Прежде всего надо уяснить, какие термины для обозначения спиртных напитков существовали в Древней Руси и что они реально обозначали.

ТЕРМИНЫ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ, СУЩЕСТВОВАВШИЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ С IX ПО XIV ВЕК

• • •

В период между IX и XIV веками в Древней Руси существовали следующие термины для обозначения напитков: вода, сыта, березовица, вино, мед, квас, сикера, ол. Большая часть этих напитков была алкогольными, охмеляющими.

Безалкогольными являлись лишь первые два, то есть вода и сыта, в то время как третий – березовица – уже не был полностью безалкогольным, поскольку различали березовицу простую и березовицу пьяную. То же самое относилось и к квасу. Таким образом, грань между алкогольными и безалкогольными напитками была весьма подвижной. Даже сыта, то есть смесь воды и меда, также легко могла забродить и тем самым превратиться в слабоалкогольный напиток, сохраняющий то же самое название, что и безалкогольный. Если же вспомнить, что и вино, то есть виноградное вино, привозимое из Византии и Крыма, точно так же разбавлялось по древнему греческому обычаю водой, то станет более понятным, почему вода оказалась тесно связанной с алкогольными напитками как постоянный компонент при их употреблении и почему вода входила в число именно напитков, а не была просто жидкостью для разных целей, какой она является в наши дни. Это отличие в восприятии воды древним человеком и нашими современниками, этот древнерусский взгляд на воду как основу многих или даже всех напитков и, конечно, всех алкогольных напитков надо иметь в виду, когда мы будем говорить о том, почему один из самых крепких алкогольных напитков русского народа – водка – был назван по имени столь безобидного питья, как вода.

Следует также иметь в виду, что напитком признавалась в IX–XI веках не всякая вода, а только вода «живая». Буквальное значение этого термина – проточная вода¹, то есть вода ключей, родников, источников и быстрых, прозрачных рек. Этот термин уже с XII века заменяется другим – «ключевая» или «родниковая вода», а в середине XIII века и вовсе исчезает из разговорного обиходного языка и остается лишь в сказках, где постепенно теряет свое реальное значение, которое забывается народом и переосмысливается целиком в сказочном, символическом духе (ср. «вода живая» и «вода мертвая»). Нет никакого сомнения, что к моменту появления водки древнее значение термина «живая вода» хотя и не употреблялось в быту, но все же воспринималось сознанием и поэтому на Руси новый спиртной напиток не получил названия «воды жизни» и «живой воды», как это было всюду на Западе и у западных славян, испытавших латинское влияние.

Именно в Западной Европе первые «водки», то есть винный спирт, содержащий половину или менее половины объема воды, получил латинское название «аквавита» (aqua vitae – вода жизни), откуда произошли французское «о-де-ви» (eau-de-vie), английское виски (whisky), польское «оковита» (okowita), являвшиеся простой калькой латинского названия или его переводом на тот или иной национальный язык.

В русском языке этого не произошло, ибо практика производства водки имела не латинский, не западноевропейский, а иной источник – отчасти византийский и отчасти отечественный. Вот почему в терминологии русских спиртных напитков ни до XIII века, ни после него аквавита не нашла никакого отражения. А сам термин «живая вода» на русском языке относился только к питьевой воде.

«Живую воду» называли еще «пивная вода», то есть вода для питья, питьевая вода, а иногда и просто «пиво», что означало – питье².

1 См. Ин., 4:11; Быт., 26:19; *Алексеев П.* Дополнения к церковному словарю. – С. 36.

2 «Пивный – инде взято за то, что пить можно» (Ин., 4:11; 6:55); «А пивная вода по латыни – rotabilis» (*Алексеев П.* Церковный словарь. 2-е изд. Т 2. – М., 1794. – С. 298).

И эти названия еще более сближали воду с другими питьями (напитками), в том числе и с подлинным пивом в нашем нынешнем понимании, ставили ее хотя бы по названию как бы в один ряд с другими напитками¹. Но в то же время вода была символом диаметральной противоположности алкогольным напиткам. Вот почему никому не приходило в голову называть крепкий спиртной напиток «живой водой», то есть поставить знак равенства между алкоголем и проточной водой. Вот почему водка получила свое первоначальное название не по аналогии с водой, а по аналогии с вином, этим древнейшим из охмеляющих напитков. Водка родилась и реально существовала, по-видимому, гораздо раньше, чем возникло ее современное название. Этот вывод можно сделать уже на основе анализа терминологии напитков.

Характерно, что водку называли в России вином очень долгое время, вплоть до начала XX века, когда за ней уже прочно закрепилось ее нынешнее название. Следовательно, логично предположить, что она существовала под термином «вино» или, быть может, под каким-либо другим задолго до того, как за ней закрепилось название «водка».

Поэтому для выяснения этого вопроса крайне важно подробно проанализировать все термины спиртных напитков, существовавших до термина «водка», то есть еще в Древней Руси, в Новгородской, Киевской и отчасти во Владимиро-Суздальской.

1. **Вино.** Под этим термином в IX–XIII веках понималось только виноградное вино, если оно употреблялось без дру-

¹ Вода противопоставлялась вину по цвету, воздействию, месту в религиозном ритуале. Слово «водопитие» означало трезвость, воздержание, «винопитие» — пьянство (см. *Алексеев П.* Дополнение к церковному словарю. — С. 33, 36; *Церковный словарь.* Т. 1. — М., 1773. — С. 41). Водяными, аквапиями или идропарастатами (греч.) назывались сектанты, которые причащались водой вместо вина, что считалось самым тяжким грехом, ересью. Отсюда, кстати, идет глубокое презрение в России к непьющему человеку как к «нехристю», чужаку. У русских людей этот древнейший пережиток живуч до сих пор и является рудиментом религиозной нетерпимости (см. *Алексеев П.* Церковный словарь. Т. 1. — С. 33, 41; *его же.* Продолжение церковного словаря. — М., 1779. — С. 40).

гих прилагательных¹. Вино стало известно на Руси с IX века, еще до принятия христианства, а после принятия христианства, в конце X века, оно стало обязательным ритуальным напитком². Привозили вино из Византии и Малой Азии и называли греческим и сирским (сурьским), то есть сирийским. До середины XII века его употребляли только разбавленным водой, так же как его традиционно пили в Греции и Византии³. Источник указывает: «Месят воду в вино»⁴, то есть воду

1 См. SJS. — Т. I. — Praha, 1958. — S. 190.

2 1 Кор. 11:26; *Нюстрем Э.* Библейский словарь. — Стокгольм, 1969. — С. 65.

3 В античное время не только в Греции и Риме, но и на всем эллинистическом Востоке вино в чистом виде никогда не употребляли. Эта традиция сохранялась и в Византии, вследствие чего привычка употреблять вино (а позднее и хлебный спирт, хлебное вино) только в смеси с водой перешла и в Россию, что и послужило одной из существенных причин происхождения водки как напитка, отличающегося от хлебного вина других стран Европы — виски, джина, брантвайна.

Древние греки и римляне разбавляли вино следующим образом: на три части воды брали одну часть вина или на пять частей воды — две части вина. Смесь, состоящая из виноградного вина пополам с водой (т.е. из равного объема воды и вина), считалась слишком крепкой и употреблялась лишь опустившимися людьми, считавшимися завзятыми пьяницами.

У евреев по Талмуду вино также должно было разбавляться водой, но до сих пор исследователям текста Библии на еврейском языке не удалось доказать, что Библия делает различия между двумя видами вина — перебродившим и неперебродившим, опьяняющим и неопьяняющим. В то же время некоторые места в Библии однозначно говорят о том, что именно древние евреи пили и очень крепкое вино, и вино, не разбавленное водой. Главная причина этой неясности состоит в том, что основным табу для евреев было косное, то есть все кислое, забродившее, в то время как это могли быть совершенно различные по своему биохимическому содержанию продукты — от безобидного кислого, черного ржаного хлеба до продуктов спиртодрожжевого брожения, действующих опьяняюще. В то же время такие, например, продукты, как коньяк или финиковая водка — арака, у древних евреев вполне допускались, несмотря на свою крепость, ибо не воспринимались как продукт брожения.

В России в практике русского народа подобные противоречия между понятиями «квасное» и «спиртовое» не возникали и не могли возникнуть, поскольку всякая квасная пища и квасные продукты получали с самого начала легитимность в употреблении и как исконно национальные, и как допускаемые религией, ритуальные. Традиция же разбавления водой также стабильно сохранялась и уважалась как религиозная, пришедшая от греков. Поэтому разбавляли сыгу, березовицу и по аналогии с ними позднее — хлебное вино, спирт и в то же время просто, без предвзятости смотрели на любую крепость кулажированных с водой спиртовых продуктов.

4 SJS. Т. I. — S. 190.

доливать следует в вино, а не наоборот, не вино подливать в чашу с водой. Это имело глубокий смысл, ибо всегда более тяжелые по удельному весу жидкости следует наливать в легкие. Так, чай надо наливать в молоко, а не наоборот. Сам термин «вино» был воспринят при переводе Евангелия на старославянский язык от латинского слова «винум» (*vinum*), а не от греческого «ойнос». С середины XII века под вином подразумевают уже чистое виноградное вино, не разбавленное водой.

В связи с этим, чтобы не делать ошибок, в старой и новой терминологии стали обязательно оговаривать все случаи, когда имелось в виду не чистое вино. «Еко же вкуси архитриклин (т.е. распорядитель пира) вина, бывшего от воды»¹. А чтобы избежать длинных оговорок, стали все чаще употреблять прилагательные для уточнения, какое вино имеют в виду. Так появились термины «оцтно вино», то есть вино кислое, сухое;² «вино осмирънено», то есть вино виноградное сладкое, с пряностями;³ «вино церковное», то есть вино виноградное красное, высшего качества, десертное или сладкое, не разбавленное водой. Наконец, в конце XIII века, под 1273 годом, впервые в письменных источниках появляется термин «вино твореное»⁴.

Ниже мы вернемся к подробному рассмотрению этого термина, но здесь отметим, что он возникнет спустя почти 400 лет после появления вина виноградного и спустя 200–250 лет после письменного закрепления разных эпитетов за разными видами виноградного вина. Уже одно это обстоятельство говорит о том, что здесь мы имеем дело не с виноградным, не с естественным вином, а с вином, полученным каким-то иным, искусственным, производственным путем, вином, сделанным, сотворенным самим человеком, а не природой.

1 SJS. T I. — S. 190.

2 SJS. T II. — Praha, 1968. — S. 633.

3 Ibid. — S. 524.

4 См. *Брандт Р.* Григоровичев паремейник в сличении с другими паремейниками. Вып. I–III. — М., 1894–1901 (подлинник XII–XIII вв. хранится в Библиотеке имени В. И. Ленина. — Фонд 87. — П. 1685).

Таким образом, термин «твореное вино» не относится уже к собственно вину, как его понимали до XIII века. Что это за «вино» и каково было его сырье, мы рассмотрим ниже.

2. **Мед.** Вторым по значению спиртным напитком Древней Руси был мед. Он известен уже в глубокой древности и как сладость (лат. *mel*), и как алкогольный напиток (лат. *mulsum*). Мед не был, как подчас думают, исключительно алкогольным напитком русских. Он служил основным парадным напитком большинства европейских народов средней полосы – между 40° и 60° с.ш. и встречался у древних германцев (*Meth*), у скандинавов (*Miod*), где считался напитком богов, и особенно у древних литовцев (*medus*). Основа слова «мед» вовсе не русская, а индоевропейская. В греческом языке слово «мэду» означало «хмельной напиток», то есть общее понятие алкоголя, а иногда употреблялось в значении «чистое вино», то есть слишком крепкое, слишком опьяняющее, не питьевое по греческим традициям и представлениям. Слово же «мэдэе» означало по-гречески «пьянство»¹. Все это говорит о том, что крепость меда как алкогольного напитка была во много раз больше, чем крепость виноградного вина, и поэтому древние греки и византийцы считали, что употребление столь сильных напитков свойственно варварам.

В Древней Руси, насколько это можно судить по фольклорным данным, мед был самым распространенным напитком из числа алкогольных, в то время как вино в фольклоре почти не упоминается.

Между тем документальные памятники говорят как будто о другом. Из них известно об употреблении привозного вина с IX века, но мед впервые встречается на Руси, да и то в значении сладости, лишь под 1008 годом², а в Македонии – под 902 годом; в значении алкогольного напитка в Литве и Полоцке – в XI веке³, в Болгарии – в XII веке, в Киевской Руси –

1 См. *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. – СПб., изд. автора, 1888. – С. 785–786.

2 См. *Остромирово Евангелие* // *SJS*. Т. II. – С. 199.

3 См. *Супрасльская летопись* // *SJS*. Т. II. – С. 200; Т. I. – С. 120; «Мед бо каплет от усть жены блудны».

только в XIII веке (1233 г.)¹, в Чехии и в Польше – с XVI века. Только в летописи Нестора под 996 годом упоминается, что Владимир Великий велел сварить 300 проварь меду². Да еще Ибн-Даст (Ибн-Рустам) – арабский путешественник – в начале X века (921 г.) упоминает, что руссы имеют хмельной медовый напиток³ и что древляне в 946 году дают дань Ольге не пчелиным медом, а «питным». Вместе с тем из ряда косвенных византийских сообщений известно, что еще в конце IX века, во времена язычества, отдельные славянские племена, особенно древляне и поляне, умели забраживать мед и, после закисания, превращали его из *mel* в *mulsum*, а также выдерживали его, подобно вину, и использовали для улучшения качества такой прием, как переливы. (Этот древнейший прием широко применялся, например, в Закавказье вплоть до конца XIX века как единственное средство улучшения и сохранения качества виноградных вин.)

Все это дает возможность прийти к следующим выводам: мед как алкогольный напиток был вначале более всего распространен в самой лесистой части Древней Руси, на территории нынешней Белоруссии, в Полоцком княжестве, где процветало бортничество, то есть добыча меда от диких пчел. Отсюда мед по Припяти и Днепру поступал в Киевскую Русь. В X–XI веках мед в Киеве употребляли в исключительных, чрезвычайных случаях и при этом изготовляли его сами из запасов медового сырья: мед варили. Вареный мед как напиток был более низкого качества по сравнению с медом ставленным. Последний выдерживали по 10–15 лет и более, и он представлял собой результат естественного (холодного) брожения пчелиного меда с соком ягод (брусники, малины). Известны случаи, когда в XIV веке на княжеских пирах подавали мед 35-летней выдержки. Поскольку широкое употребление медов (вареных и ставленных) приходится на XII–XV века, то представление о том, что в древности основным напитком был мед, нашло отражение прежде всего

1 См. SJS. Т. II. – S. 199–200.

2 См. Карамзин Н. История государства Российского. Т. I. – СПб., 1816. – С. 469.

3 См. Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. Т. I. – М., 1876. – С. 468.

в фольклоре, произведения которого создавали именно в это сравнительно позднее время, когда началось формирование национальной русской культуры.

Кроме того, расцвет медоварения в XIII–XV веках был связан не с его возникновением в это время (ибо оно возникло в X–XI вв.), а с сокращением привоза греческого вина вследствие сначала монголо-татарского нашествия (XIII в.), а затем упадка и крушения Византийской империи (XV в.). Таким образом, историческая обстановка, включая не только изменения в системе международных отношений и международной торговли, но и изменения чисто географического характера (перемещение территории Русского государства на северо-восток, перенесение столицы из Киева во Владимир, а затем в Москву), приводила к изменению характера потребляемых спиртных напитков.

Все это удаляло Русь от источников виноградного вина и заставляло изыскивать местное сырье и свои способы для производства алкогольных напитков.

Мед, хотя и был древним напитком, но в XIII–XV веках он как продукт местного сырья выдвигается на первый план главным образом в обиходе знати, зажиточных слоев. Длительность производства хорошего, настоящего ставленного меда ограничивала круг его потребителей, несомненно, удорожала товар. Для массовых сборищ, даже при дворе великого князя, употребляли более дешевый, более быстро приготавливаемый и более пьянящий – вареный мед. Тем самым XIII век является рубежом, знаменующим переход к напиткам, во-первых, из местного сырья и, во-вторых, к напиткам значительно более крепким, чем в предыдущие пять столетий.

Нет сомнений, что привычка к употреблению более крепких, более охмеляющих напитков в XIII–XV веках подготовила почву и для появления водки.

В то же время развитое, широкое медоварение было просто невозможно без наличия винного спирта как компонента дешевых, но крепких медов. Уже в XV веке запасы меда сильно сокращаются, он дорожает в цене и потому становится пред-

метом экспорта за счет сокращения внутреннего потребления, ибо находит спрос в Западной Европе¹.

Для местного же употребления приходится изыскивать более дешевое и более распространенное сырье. Таким сырьем оказывается ржаное зерно, уже с древнейших времен используемое для производства такого напитка, как квас.

3. **Квас.** Слово это встречается в древнерусских памятниках одновременно с упоминанием о вине, и даже раньше меда. Значение его, однако, не вполне соответствует современному. Под 1056 годом мы находим явное упоминание кваса как алкогольного напитка², поскольку на языке того времени слово «квасник» употребляли в значении «пьяница»³.

В XI веке квас варили, как и мед, а это означает, что по своему характеру он был ближе всего к пиву, в современной понимании этого слова, но только был гуще и действовал более охмеляюще.

Позднее, в XII веке, стали различать квас как кислый слабоалкогольный напиток и квас как сильно опьяняющий напиток.

1 Шведский резидент в Москве Иоганн де Родес в своих донесениях королеве Кристине о состоянии России в 1650–1655 годах уже не упоминает мед как предмет экспорта, а только воск, хотя мед в это время все-таки вывозился за границу через Прибалтику. Но спустя 20 лет, в 1672–1674 годах, И. Ф. Кильбургер совершенно ясно говорит, что не только мед, но и воск из России уже не вывозят. Это отчетливо иллюстрирует как рост темпов потребления таких продуктов в самой России, так и сокращение их ресурсов. Между тем путешественник Альберт Кампензе (Camperse) в 1523 году писал, что Московия очень богата медом. Именно в этот период его еще экспортировали за границу, но местное потребление уже падало или, вернее, не могло удовлетворить спрос с XV века. Таким образом, сокращение количества меда как сырья для спиртных напитков ставило уже на рубеже XV и XVI веков, и уж во всяком случае в XVI веке, вопрос о замене меда более дешевым и более распространенным сырьем. До этих пор вопрос о винокурении из зерна не мог возникнуть просто исторически. Итак, XV век — апогей медоварения, начало XVI века знаменует уже первые признаки упадка этого промысла (см. *Куриц Б. Г.* Состояние России в 1650–1655 годы по донесениям Родеса. — М., 1915; Сочинения Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915. — С. 112, 305–306; Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. — 1836. — С. 30–31).

2 Сравнение кваса с сикерой (см. Остромирово Евангелие. — С. 19).

3 «Подобает же епископу без порока быти — не кваснику, не бийце», то есть не пьяницей, не драчуном (XII век). — SJS. Т. II. — С. 19.

Оба они, однако, носили одинаковые названия, и только по контексту иногда можно догадаться, о каком виде кваса идет речь.

По-видимому, во второй половине или в самом конце XII века сильно опьяняющий квас стали называть твореным квасом, то есть сваренным, специально сделанным, а не произвольно закисшим, как обычный квас¹.

Этот твореный квас считался таким же крепким алкогольным напитком, как чистое вино, их приравнивали по крепости. «Вина и творена кваса не имать пити»², – говорится в одном из церковных предписаний. «Горе квас гонящим», – читаем в другом источнике³, и это ясно указывает на то, что речь идет не о безобидном напитке. Из всех разновидностей твореного кваса самым опьяняющим, самым «крепким», дурманящим был «квас неисполненный», который весьма часто сопровождается эпитетом «погибельный»⁴. На старославянском языке слово «неисплнены» означало незавершенный, не полностью готовый, не доведенный до конца, плохого качества (противоположный латинскому perfect – законченный, совершенный)⁵. Таким образом, речь, вероятно, шла о недоброжеланном или плохо

1 См. Codex Zographensis. – Berolini, 1879.

2 SJS. Т. II. – С. 19.

3 Ibid.

4 Euchologium Sinaiticum // SJS. Т. II. – С. 19.

5 SJS. Т. I. – (испльнь). – С. 800–802. Чрезвычайно важно для представления о характере кваса в древнем понимании этого слова то, что с «квасом неисполненным» особенно связывалось специфическое заболевание, называемое «язя kwasная», что можно толковать как «кwasная боль». Эта боль была, однако, не желудочной болью, а головной, то есть явно походила на то, что с XVII века стали называть похмельем и приписывали действию хмеля. В источниках мы встречаем следующие ссылки на эту боль (язю): «Молитва над бодемъ пиящем квас» и «Упоил еси вся ненавидящая тебя и всяка язя kwasная квасом неисполненомъ погибельнымъ». Еще в русском языке XVII–XIX веков глагол «язяться» означал «колебаться», «быть не совсем крепким» (на ногах и в мыслях), «спятить», то есть быть готовым в результате колебаний пойти на попятную. Но позднее, как известно, слово «спятить» стало означать «сойти с ума», «лишиться ума». Таким образом, этот глагол от существительного «язя» – болезнь от пьяного кваса – совершенно четко показывает, что под «язей» понимали такое сильное опьянение, в результате которого появлялась сильная головная боль и человек чувствовал себя некрепким, готовым спятить, сойти с ума. Отсюда и позднейшая, теперь почти непонятная поговорка: «Он все язается, да спятил» (*Даль В. И.* Т. IV – С. 694), то есть он все колебался-колебался, болел-болел да, наконец, и с ума сошел.

перегнанном продукте, который содержал значительную долю сивушных масел. По-видимому, к этому роду кваса относилась и редко встречающаяся в источниках «кисера» – сильно одуряющий напиток. Если учесть, что слово «квас» означало «кислое» и его иногда именовали квасина, кислина, кисель, то слово «кисера» можно рассматривать как пренебрежительную форму от кваса неисполненного, незавершенного, испорченного, плохого. Но есть указания и на то, что кисера – искажение слова «сикера», так же означающего один из древних алкогольных напитков.

4. **Сикера.** Слово это вышло из употребления в русском языке, причем из активного бытового языка как раз в XIV–XV веках, на том самом рубеже, когда произошла смена и в терминологии, и в существе производства русских алкогольных напитков.

Поскольку слово это исчезло из языка совершенно бесследно, не оставив никакой замены, аналога или иного лексического рудимента, то мы постараемся как можно тщательнее выяснить его значение и первоначальный смысл, ибо оно проливает свет на историю русских спиртных напитков.

Слово «сикера» вошло в древнерусский язык из Библии и Евангелия, где оно упоминалось без перевода, так как переводчики в конце IX века затруднялись подобрать ему эквивалент в славянских языках, в том числе и в древнерусском языке.

Оно было употреблено и понималось как первое общее обозначение алкогольных напитков вообще, но в то же время четко отделялось от виноградного вина. «Вина и сикеры не имать пити»¹. В греческом языке, с которого переводили Евангелие, «сикера» также означала искусственный «хмельной напиток»

¹ Лк. 1:15. См. *Алексеев П.* Церковный словарь. Т. 3. – С. 59. Характерно, что в переводе М. Лютера, сделанном в начале XVI века, вместо «сикера» в немецком языке стоит слово «крепкий» (сильный) напиток: «Wein und stark Getranke wird er nicht trinken». Это слово говорит о том, что в Германии в 1520 году еще не употреблялось слово «Brandtwein», которым спустя столетие Олеарий, Родес, Кильбургер стали обозначать русскую водку. Этого слова вообще не было в немецком языке, как и в других европейских языках, до XVI века в любом значении.

вообще, причем любой пьянящий напиток, кроме естественного вина¹. Однако источником этого слова послужили слова на древнееврейском и арамейском языках – «шекар», «шехар» и «шикра».

Шикра (sikra) на арамейском означало род пива, это слово и дало «сикеру»². Шекар (Schekar) на древнееврейском – «всякий пьяный напиток, кроме лозного вина»³. Это слово дало в русском «сикер». Поэтому в одних источниках встречается «сикера», в других – «сикер». Совпадение обоих этих слов по звучанию и очень близких по значению привело к тому, что даже лингвисты считали их за вариации одного и того же слова. Однако это были не только разные слова, но они означали и разные понятия с технологической точки зрения.

Дело в том, что в Палестине и у греков «сикер» изготовлялся из плодов финиковой пальмы и был, по сути дела, финиковой водкой. Арамейское же понятие «сикера» означало хмельной, опьяняющий напиток, по технологии близкий к медо- или пивоварению, без гонки.

Нет сомнения, что в древнерусских монастырях ученые монахи доискивались до подлинного значения упоминаемых в Библии и Евангелии греческих, арамейских и древнееврейских слов и тем самым получали полное представление о технологических процессах и их отличиях.

5. **Пиво.** Помимо перечисленных выше алкогольных напитков – вина, меда, кваса и сикеры – в источниках XI–XIII веков весьма часто упоминается и пиво. Однако из текстов того времени видно, что пиво первоначально означало всякое питье, напиток вообще, а вовсе не рассматривалось как алкогольный напиток определенного вида в современном нашем понимании.

1 См. *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. – С. 1127.

2 См. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. – М., 1971. – С. 620.

3 *Михельсон.* Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. – М., 1865. – С. 577; *Алексеев П.* Церковный словарь. Т. 3. – С. 59. Шведский комментатор древнееврейского текста Библии Э. Нюстрем считает, что сикера, шекар – общее обозначение различных крепких напитков, приготовленных из фиников или ячменя искусственно (см. *Нюстрем Э.* Библейский словарь. – С. 64; Лев. 10:9; Чис. 6:3 и др.).

«Благослави пищу нашу и пиво», – читаем в памятнике XI века¹. Позднее, однако, появляется термин «твореное пиво», то есть напиток, питье, специально сваренное, сотворенное, как вино. Твореным пивом, как видно из источников², называли очень часто сикеру, а иногда и другой напиток – ол. Таким образом, термин «пиво» сохранил свой широкий смысл и до XII–XIII веков. Если в X–XI веках так называли всякий напиток, всякое питье, то в XII–XIII веках так стали называть всякий алкогольный напиток: сикеру, квас, ол, твореное вино – все это было в целом твореное пиво или искусственно созданное самим человеком алкогольное питье. Пиво в современном понимании имело другой термин, другое обозначение – ол.

6. **Ол.** В середине XIII века впервые появляется новый термин для обозначения еще одного алкогольного напитка – «ол»³, или «олус». Есть также данные, что в XII веке зафиксировано название «олуй»⁴, что, по всей видимости, означало то же самое, что и «ол». Судя по скупому описанию источников, под олом понимали напиток, подобный современному пиву, но только приготавливали это пиво-ол не просто из ячменя, а с добавлением хмеля и полыни, то есть трав, зелий. Поэтому иногда ол называли зелием, зельем. Имеются также указания на то, что ол варили (а не гнали, как сикеру или квас), и это еще более подтверждает, что ол был напитком, напоминающим современное пиво, но только сдобренное травами. Его наименование напоминает английский эль, также приготавливаемый из ячменя с травами (например, с добавлением цветов вереска). То, что позднее ол стали отождествлять с корчажным пивом, еще более подтверждает, что олом в XII–XIII веках называли напиток, подобный пивному в современном понимании этого слова.

Вместе с тем ясно, что термин «ол» давали весьма высококачественному и довольно крепкому и благородному напитку, ибо в конце XIII века в «Номоканоне» указывается, что ол может быть принесен в храм «в вина место», то есть может быть

1 SJS. Т. III. – Praha, 1978. – S. 35 (Никоновская летопись).

2 Ibid. – S. 35–36.

3 SJS. Т. II. – S. 539. Устюжская кормчая.

4 *Терещенко А.* Быт русского народа. – СПб., 1848. Ч. I. – С. 207.

полноценной заменой церковного, виноградного вина. Ни один из других видов напитков того времени не пользовался этой привилегией – заменять собой вино¹.

7. Березовица пьяная. Этот термин отсутствует в письменных памятниках старославянского языка, но из сообщений арабского путешественника Ибн-Фадлана, посетившего Русь в 921 году, известно, что славяне употребляли березовицу пьяную, то есть самопроизвольно забродивший сок березы, сохраняемый долгое время в открытых бочках и действующий после забраживания опьяняюще². Анализ терминологии спиртных напитков IX–XIV веков дает основание сделать следующие выводы:

В раннюю историческую эпоху на Руси существовало пять типов опьяняющих напитков:

1. Напитки, получаемые из Византии и стран Средиземноморья в готовом виде и являвшиеся виноградным вином, преимущественно красным. Все виды вина называли до XIII века исключительно просто вином, иногда с прилагательным «кислое» и «осмърнено» (сладкое, десертное, пряное).

2. Напитки, получаемые путем естественного сбраживания местных продуктов природы – березового сока, меда, сока ягод без всякого дополнительного воздействия человека (т.е. без добавления дрожжей, без варки и т.п.), – березовица пьяная, мед ставленный.

3. Напитки, получаемые путем искусственного сбраживания зерновых продуктов (ржи, ячменя, овса) после варки (кипячения) сусла и с добавлением дополнительных трав (хмеля, зверобоя, полыни) для придания запаха и вкуса. Этими напитками являлись квас (означавший современное пиво), ол (крепкое, густое пиво типа портера).

4. Напитки, получаемые путем искусственного сбраживания меда или путем комбинации искусственно сброженного меда с продуктами искусственно сброженного зерна. Этим напитком был мед вареный, или питный мед. Он представлял со-

¹ См. SJS. Т. II. – С. 539.

² См. *Забелин И.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. I. – С. 450.

бой водный раствор меда, заправленный ячменным или ржаным солодом и сдобренный различными травами (хмелем, полынью, зверобоем) и сваренный, подобно пивным напиткам.

Крепость этого алкогольного напитка была довольно высокой, а опьяняющее воздействие – сильным, поскольку медовое сусло было чрезвычайно богато сахаром, и поэтому напиток оказывался более богатым спиртом, чем ол.

5. Напитки, получаемые путем гонки сброженных зерновых продуктов. К этим напиткам относились: квас твореный, вино твореное, сикера, квас неисполненный. По всей видимости, все перечисленные термины означали один напиток, называемый по-разному в различных источниках именно потому, что он был, во-первых, самым новым для XII–XIII веков напитком, появившимся после всех вышеперечисленных, и термин для его обозначения только подбирали по аналогии со старыми терминами, обозначавшими известные уже алкогольные напитки, а во-вторых, потому, что сырье для этого нового напитка использовали разное (хотя получался он по действию одинаковым), а люди привыкли определять продукт по сырью, а не по результату производства. То, что это был один и тот же напиток, показывает его единый эпитет – «твореный», что указывает на единство технологии. По-видимому, здесь речь идет о первичном получении хлебного спирта в результате отгонки сильно осахаренного крахмалистого сырья.

Таким образом, обзор терминологии дает возможность установить наличие таких технологических процессов, как медодостав, медоварение, квасо-пивоварение и некое, еще неясное, винотворение (т.е. нечто близкое к винокурению, но технически несовершенное).

ТЕРМИНОЛОГИЯ РУССКИХ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ В XIV–XV ВЕКАХ

•••

Выше мы рассматривали термины, обозначающие спиртные напитки в источниках в основном до XIII века включительно, хотя учитывали также словарный состав основных письменных памятников и XIV–XV веков.

Однако надо иметь в виду, что от этого времени фактически не осталось памятников бытового языка, а зафиксированный лексический состав старославянского, церковного языка, как раз в момент его фиксации, подвергался чистке от бытовизмов и потому не может полностью отражать всю лексику, которая имела фактически место в то время.

Это обстоятельство надо иметь в виду, особенно в связи с тем, что исторически именно конец XIV – начало XV века представляет собой переломный период для России как в государственном, политическом, экономическом, производственно-техническом отношениях, так и в бытовом, языковом, лексическом, не только потому, что живой старославянский язык исчезает и появляются национальные славянские языки, но и потому, что новое время, новые связи с зарубежным миром (в результате создания московского государства, ликвидации татарского ига), новые производства (ремесла) и новые привозные товары не могли не вызвать новых явлений в языке, не могли не повлиять на возникновение новых обозначений, новых понятий.

Хотя в этот период не возникает принципиально новых слов для обозначения алкогольных напитков, однако заметно изменение в частоте ранее употреблявшихся терминов. Все шире и чаще для общего обозначения спиртных напитков употребляют термин «хмельное».

Еще в договорной грамоте Новгорода с Великим князем Тверским Ярославом Ярославовичем от 1265 года, в самом древнем из сохранившихся документов на русском языке, сказано о таможенной пошлине с каждого «хмельна короба»¹, то есть с каждой единицы объема алкогольных напитков. Короб – это большой туес, может быть, лубяная бочка таких больших размеров, которые соответствуют возу, ибо ее только одну можно поместить на воз. На эту мысль наталкивает выдержка из этого же текста, в которой говорится, что пошлина в «три векши» взимается с каждой «лоды, воза и хмельна короба», то есть с примерно одинаковых объемов мерных, сыпучих и жидких тел.

¹ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. – М., 1813. – С. 2. – Док. № 1.

Какое «хмельное» можно измерять возами или коробами? По-видимому, не благородный и дорогой ставленный мед, а, скорее, мед дешевый и низкосортный – типа пива, то есть вареный. Об этом говорит грамота Новгорода и Твери от 1270 года, где указывается, что Тверской князь обязан послать в Ладогу казенного «медовара»¹, а также то, что для крепких напитков общим термином становится для того времени все чаще слово «мед», хотя, по-видимому, не всегда речь может идти о собственно старинном ставленном меде. Последний в таких случаях называют медом царским, или боярским.

Термин «мед» еще чаще встречается в памятниках XIV–XV веков, причем в XV под ним подразумевается очень крепкий и хмельной напиток, рассчитанный на массового потребителя (войско). Этот мед и получает синонимы «хмельного», «хмеля», потому что в сильной степени сдабривается хмелем и в то же время обладает «крепостью» от сивушных масел, но приписываемой хмелю, ибо чем больше было сивухи, тем больше приходилось класть хмеля, чтобы забить ее запах. Именно в эту эпоху «хмельному» все более придается и другой термин – «зелье», то есть напиток, сдобренный травами, когда наряду с хмелем кладется полынь. А сам термин «зелье», или «крепкое зелье», постепенно приобретает иной смысл: «злой» хмельной напиток, опьяняющее питье, о котором говорят с известной долей презрения – из-за его низкого качества. Само опьянение начинает приобретать, по-видимому, иной характер: из веселья оно превращается в потерю смысла, в пагубу. Так, например, летописец не может пройти мимо такого факта, как пагубное воздействие «нового опьянения» на важные поступки, действия людей, на общество. Он рисует сдачу Москвы хану Тохтамышу как происшедшую в значительной степени из-за пьянства в осажденном городе в ночь с 23 на 24 августа 1382 года, причем это пьянство сопровождалось поразительным и непонятным безрассудством. При осаде «одни молились, а другие вытащили из погребов боярские меды и начали их пить. Хмель ободрил их, и они полезли на стены задирать татар». После двухдневного пьянства жители так осмелели, что отворили ворота татарам,

1 Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. – С. 8.

поверив их обещаниям. Результатом было полное разорение и разграбление Москвы¹.

В 1433 году Василий Темный был наголову разбит и пленен небольшим войском своего дяди Юрия Звенигородского на Клязьме, в 20 верстах от Москвы, только потому, как говорит летописец, что «от москвич не бысть некоея же помощи, мнози бо от них пьяни бяху, а и с собой мед везяху, чтоб пити еще»².

Таким образом, совершенно ясно, что в XIV–XV веках происходят какие-то весьма существенные изменения в характере производства хмельных напитков, и отсюда сам характер, сам состав этих напитков значительно меняется: они действуют более опьяняюще и, главное, одурманивающе.

Известно, что в 1386 году генуэзское посольство, следовавшее из Кафы (Феодосия) в Литву, привезло с собой аквавиту³, изобретенную алхимиками Прованса в 1333–1334 годах и ставшую известной на юге Франции и в северной части Италии, прилегающей к французской территории⁴.

С этим крепким напитком был ознакомлен и царский двор, однако он был признан чрезвычайно крепким и возможным для употребления лишь как лекарство и исключительно разбавленным водой. Вполне вероятно, что идея разводить винный спирт водой и дала с этого времени начало русской модификации водки, по крайней мере, как термину, как наименованию. Однако, возможно, был и другой путь: водка технологически выросла, вполне вероятно, из сикеры и из квасогонения, а отчасти и из медоварения в том виде, каким оно сформировалось к XIII–XIV векам.

1 См. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. III. — С. 982–983.

2 Никоновская летопись V // II *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 1. Т. IV — С. 1056.

3 См. *Успенский Г. П.* Опыт повествования о древностях русских. Ч. 1. — Харьков, 1811. — С. 78.

4 В 1386–1528 годы Генуя находилась в политическом и военном союзе с Францией, которая выступала в роли протектора Генуи. Генуэзское купечество имело огромные привилегии в Византии, данные Михаилом Палеологом в XIII веке, и поэтому пользовалось доверием и в России, где настороженно относились к другим иностранцам (см. Энциклопедический лексикон. Т. XIV. — СПб., 1838. — С. 56–57).

Чтобы выяснить этот вопрос, обратимся к рассмотрению технологии тех напитков, терминологию которых мы уже определили выше. Но, прежде чем перейти к этому, кратко проведем точную хронологию возникновения всех спиртных напитков с IX по XV век.

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ ИЛИ ИХ ТЕРМИНОВ В ДРЕВНЕЙ РУСИ IX–XIV ВЕКОВ

• • •

Хронологическая таблица

Конец IX в.	(ок. 880–890 гг.)	Мед ставленный
Начало X в.	907 г.	Вино виноградное
Начало X в.	921 г.	Березовица пьяная
1-я пол. X в.	920–930 гг.	Мед хмельной
Конец X в.	996 г.	Мед вареный
Конец X в.	988–998 гг.	Вина виноградные (кислые, сладкие)
Середина XI в.	1056–1057 гг.	Квас
Середина XI в.	1056–1057 гг.	Сикера
2-я пол. XI в.		Квас неисполненный
2-я пол. XII в.		Квас твореный
2-я пол. XII в.		Пиво твореное
Конец XIII в.	1265–1270 гг.	Хмельное
Конец XIII в.	1284 г.	Ол (олуй, олус)
XIII–XIV вв.		Вино твореное

Из этой краткой таблицы, подытоживающей весь предыдущий историко-лингвистический анализ терминологии алкогольных напитков, следуют два основных вывода.

1. Изначальными, первыми по времени и доминирующими в течение всего периода Древней Руси (IX–XIV вв.), являются алкогольные напитки, сырьем для которых служили дары природы: березовый сок, виноград, мед. Среди них виноград и произведенное из него вино были целиком иностранного происхождения, и употреблялось это вино только в высших социальных слоях феодального общества или в ритуальных (религиозных) целях.

Однако оно служило своеобразным эквивалентом алкогольных напитков и по силе воздействия, и по терминологии. Оно было «золотой серединой», эталоном. Слабее вина были слабоалкогольные напитки вроде березовицы, пивного кваса, сыченого медка. Сильнее вина были березовица пьяная, квас-сикера, ол, мед ставленный и мед вареный. Тот факт, что мед и березовый сок были первыми русскими естественными полуфабрикатами для производства вина, с которыми не было необходимости производить сложные технологические манипуляции, а достаточно было дать естественно забродить, обусловил такую особенность русского производства спиртных напитков на весьма долгий период, как экстенсивность технологии и использования сырья.

2. Только со второй половины XI века, а может быть, и с конца этого столетия и начала XII века можно говорить о развитии производства алкогольных напитков из иных полуфабрикатов, чем мед, а именно из зерна злаковых растений.

Это производство, несомненно, родилось как побочная и случайная ветвь хлебопечения и было тесно связано с разделением Церквей на православную и католическую и в связи с этим со спором об евхаристии (т.е. о применении либо только пресного или только дрожжевого, «квасного», хлеба для причастия)¹.

¹ Раскол двух христианских Церквей начался на Константинопольском соборе 867 года спором об евхаристии, затем последовал период относительного спокой-

Производство это, давшее в XII–XIII веках такие напитки, как пиво и ол, получило особый толчок для своего дальнейшего расширения вследствие монголо-татарского нашествия, изоляции Руси от Византии, перенесения русского политического центра в район бассейна Оки и Верхней Волги, где основным пищевым сырьем были рожь, овес, ячмень, мед. Разрешение замены вина в церковном ритуале пивом, олом было результатом отсутствия настоящего виноградного вина и в связи с этим санкционированием со стороны Церкви и государства производства алкогольных напитков из хлебного сырья.

Появление в конце XIII – начале XIV века таких терминов, как «хмельное», «вино твореное», обозначающих алкогольные напитки вообще, говорит о крайней нечеткости алкогольного стандарта этих напитков, об отсутствии у них твердого, прочного, определенного наименования и о наличии лишь одного общего признака – употребления при их производстве хмеля, а также сопоставления их по крепости с не разведенным водой вином.

Тот факт, что вином твореным называли все алкогольные напитки (ол, пиво, квас неисполненный), кроме меда, еще более подчеркивает наличие процесса создания алкогольного напитка на немедовой базе, то есть на хлебной.

Именно этот напиток, общего единого названия которого еще в XIII–XIV веках не существовало, называли хмельным, ибо все его разновидности и модификации требовали употребления хмеля. В случае же использования хмеля при производстве вареного меда такой мед называли не просто «хмельным», а «хмельным медом». Таким образом, мед остается единственным из старых, древних терминов алкогольных напитков, не

ствия и примирения; отношения обострились вновь в середине XI века, когда 16 июля 1054 г. папский посланец кардинал Гумберт отлучил от Церкви в соборе Св. Софии и Царьграде Константинопольского патриарха Михаила Кирулярия, а тот предал анафеме папу римского. С этих пор западное христианство стало именоваться Католической (вселенской) церковью, а восточное, византийское, – Православной (ортодоксальной) церковью. Но в XII веке распри возобновились, и это привело к окончательному разъединению Церквей.

объединяемых и не смешиваемых с более поздними. Это еще раз объясняет тот факт, что «мед» как термин хорошо представлен в фольклоре и что этот термин связан с глубокой древностью, хотя на самом деле его фиксация относится к тому же, XIV и даже XV веку.

Другой излюбленный фольклорный термин – «зелено вино» в письменных источниках абсолютно не встречается, что может быть объяснено двояко: во-первых, как метонимия слова «хмельное» («зелено» не значит зеленое, а зельено, то есть сдобренное зельем, травами, хмелем, зверобоем и т.д.). Даже слово «ол» («*olus*» означало по латыни «трава», «зелье») – отголосок общего термина «хмельное»; во-вторых, как более поздняя, относящаяся к XVII–XVIII векам визуальная характеристика плохого самогона, имеющего зеленоватый, мутный оттенок. При этом первое объяснение, по-видимому, более правильно. Тот факт, что термин «зелено вино» появляется в тех пластах фольклора, которые относятся никак не раньше чем к XV–XVI векам, говорит о том, что сам термин не мог возникнуть раньше этого времени. Он явно применяется к хлебному вину, а не к меду и тем самым косвенно указывает на то, что XV век был действительно переломным в смысле полного перехода от прежних, древних алкогольных напитков, терминологию которых мы рассмотрели, к новым – к хлебному спирту.

Итак, обзор терминологии и хронологии ее появления и применения показывает, что с IX и до XIII века бытовали довольно стабильно три-четыре термина (мед, вино, квас, березовица), значение которых за этот период менялось незначительно, хотя и происходило их уточнение и появление новых нюансов в терминологии. В XIII–XIV веках появляются новые термины алкогольных напитков. Вместе с тем, по данным историко-экономического характера, к XV веку сокращается старое, древнее сырье – мед для производства алкогольного меда. Все это говорит о наличии в XIV–XV веках перелома в производстве спиртных напитков. Если же учесть, что в 1386 году русские ознакомились с виноградным спиртом, ввезенным из Кафы (генуэзской колонии в Крыму), то и этот факт конца XIV века также